

А. И. Климович

Белорусский государственный медицинский университет, Минск

A. I. Klimovich

Belarusian State Medical University, Minsk

УДК 141.319(091)(476.5)

ФИЛОСОФСКОЕ ОСНОВАНИЕ ПОЛОЦКОЙ НЕОСХОЛАСТИКИ

PHILOSOPHICAL BASIS OF POLOTSK NEO-SCHOLASTICISM

Статья посвящена исследованию идейного основания философской составляющей творческого наследия представителей Полоцкой иезуитской академии. Исследование проведено на материале философских курсов профессоров Полоцкой академии, особое внимание уделено проблемам логики и метафизики. Целью статьи является определение философского основания комплекса идей авторов Полоцкой академии. Автор ставит два вопроса: какие интеллектуальные вызовы видели перед собой представители Полоцкой академии и к каким средствам они прибегали для их решения.

Ключевые слова: неосхоластика; Аристотель; Фома Аквинский; неомизм; Полоцкая иезуитская академия; полоцкая неосхоластика.

The article is devoted to the philosophical component's ideological basis in the creative heritage of the Polotsk Jesuit Academy representatives. The study is based on the material of Polotsk Academy courses in philosophy; special attention is paid to the logic and metaphysics problematic. The purpose of the article is to determine the philosophical basis of the Polotsk Academy thinkers. The author poses two tasks: what intellectual challenges the Polotsk Academy representatives saw before themselves and what were the means they resorted to solve them.

Keywords: Neo-Scholasticism; Aristotle; Thomas Aquinas; Neo-Thomism; Polotsk Jesuit Academy; Polotsk Neo-Scholasticism.

Философская составляющая творческого наследия Полоцкой иезуитской академии до сих пор остается лакуной в исследованиях белорусских и зарубежных историков философии, лишь в последние годы она стала объектом пристального внимания исследователей, работающих в рамках изучения основных направлений развития национальных философских традиций. Одновременно следует отметить, что творчество полоцких авторов представляло собой самобытное явление на интеллектуальной арене многочисленных философских течений начала XIX в. и по сути являлось первым вариантом зарождения неосхоластики – одного из наиболее значимых ответвлений религиозной философии XX в. Таким образом, исследование основания комплекса философских идей Полоцкой иезуитской академии обладает высокой степенью актуальности, поскольку позволяет раскрыть интеллектуальный потенциал творческого наследия, являющегося важной частью истории философии и социально-политической мысли Беларуси, а также в последующем определить его влияние на становление неосхола-

стического движения в целом. Исследование охватывает проблемные поля логики и метафизики философских курсов, читавшихся в Полоцкой иезуитской академии, поскольку логика трактовалась как врата ко всем остальным академическим дисциплинам учебного плана, а метафизика представляла собой основополагающий элемент всей схоластической традиции, связанный важнейшим образом со всеми остальными ее разделами.

Для определения философского основания идей полоцких авторов следует ответить на два вопроса: во-первых, с какими интеллектуальными вызовами столкнулись профессора Полоцкой иезуитской академии, а, во-вторых, какие программные установки они использовали для преодоления этих вызовов.

При ответе на первый вопрос обращение к философской панораме исследуемого периода позволяет выделить следующие важные темы, ставшие впоследствии проблемными зонами, инициировавшими дискуссии в среде интеллектуального сообщества Полоцкой иезуитской академии. Изменение статуса схоластической метафизики после того, как она подверглась критике со стороны представителей Просвещения, выявило необходимость поиска философской системы, которая бы позволяла ссылаться на важный для схоластического направления, по сути, относящегося к теологии, авторитет истин Откровения, но при этом одновременно предоставляла бы возможность оставаться в поле философской рефлексии. Назрела необходимость поиска варианта, позволяющего убрать напряжение, возникшее между истинами Откровения и истинами философии, в процессе переосмысления этой связи различными философскими направлениями. Недаром предельное внимание уделяют такие знаковые фигуры полоцкой неосхоластики как Дж. Анджолини и В. Бучиньский [1, с. 52] философии Просвещения, особенно в ее немецком направлении осмысления.

Обращение к первоисточникам, составляющим основной материал исследования, позволяет сформулировать следующий тезис в отношении философской позиции авторов. Центральными программными установками, являющимися базисом, на котором осуществлялась рефлексия полоцких иезуитов были, во-первых, принадлежавшие авторству Фомы Аквинского гармония веры и разума, а, во-вторых, специфическое прочтение цели изучения философии. С одной стороны, в творчестве полоцких авторов наблюдается тенденция апологетического отношения к ряду идей предыдущих авторов схоластической традиции, но одновременно философия в их работах отделена от естественной теологии и характеризуется определенной степенью автономии. Однако, цель ее при этом предельно ясна – служить концепту общего блага через возможность определения индивидуального счастья [2, р. 3].

Для ответа на вопрос – какие идеи составляют базис традиции полоцкой неосхоластики, в аспекте логики следует обратиться к специфике решения следующих проблем – это характерное для полоцких авторов определение содержания понятия логики, равным образом, как и специфическое понима-

ние ее роли и места в системе философских знаний, также важным аспектом является решение проблемы универсалий.

В рамках метафизики актуальной темой, в рамках которой шел процесс кристаллизации сущности философской традиции полоцкой неосхоластики, была проблематика причинно-следственных связей, полностью реализованных в понятии телеологии в рамках рациональных путей постижения Бога, а также вопрос рассмотрения пространственно-временной структуры бытия как вызов, сформированный научными достижениями, вопрос о соотношении естественных законов природы и божественного всемогущества.

Для решения обозначенных выше проблем полоцкие авторы обратились к исследованию перспективы использования в этом плане философских открытий Фомы Аквинского. Первым автором, в творчестве которого удалось зафиксировать рецепцию программных установок «ангельского доктора», был Дж. Анджолини.

Дж. Анджолини, осуществляя попытку восстановить статус метафизики как науки, обращается к союзу разума и веры, отмечая, что опираться лишь на Откровение, как, например, завещал Августин, невозможно [3, р. 111], вместе с тем существует ряд боготкровенных истин, где вмешательство философии недопустимо [3, р. 145]. Более того, Откровение должно быть обязательным фундаментом рефлексии христианского философа [3, р. 255].

Обращается Дж. Анджолини к авторитету Фомы Аквинского и в рамках метафизической проблематики при рассмотрении соотношения идентичности и различия в бытии, осмысливая его с помощью понятия внутреннего воображения [3, р. 163]. Равным образом поддерживает он взгляды средневекового мыслителя и при изучении соотношения будущего времени и вечности, как черты, присущей божественному бытию, для которого, соответственно, не может быть ни прошлого, ни настоящего, ни будущего, поскольку сам Бог находится по ту сторону от течения времени [3, р. 170]. Это обращение к корреляции времени и вечности затем трансформируется в дискуссию о связи контингентного и необходимого будущего. Данная дискуссия в свою очередь подводит автора к проблеме креационизма: каким образом из вечности могло возникнуть конечное тварное бытие. Здесь автор наряду с позицией Фомы Аквинского поддерживает и достаточно распространённую для «второй схоластики» идею Фр. Суареса о возможности такого рода творения из вечности [3, р. 209].

Взгляды В. Бучиньского в контексте логики также фундированы аристотелевско-томистскими программными установками. В частности, это относится к понятию познавательной способности души, которую полоцкий автор представляет себе следующим образом: «Способность познания, которую интеллектом называем, содержит в себе три составляющих: способность внимания, способность сравнения и способность умозаключения» [2, р. 9], сами этапы познания представляют собой «чувственное впечатление, возбуждение им внутреннего чувства, схватывание идеи и сравнение ее с уже имеющимися» [2, р. 10].

О заимствовании томистского наследия свидетельствует и раздел, посвященный проблемам естественной теологии в части метафизики, где В. Бучинский обсуждает следующие доказательства существования Бога: онтологическое доказательство (в основании находится понятие реального бытия), космологическое доказательство (в основании находится соотношение контингентного и необходимого бытия), физическое и телеологическое доказательство (причинно-следственные связи в рамках универсума), моральное доказательство (в основании находится природа самого человека, а также свидетельство морального авторитета) [4, р. 224]. По сути рациональные доказательства для В. Бучинского как приверженца отрицания возможности познания Бога напрямую вместе с катафатическим богословием становятся своеобразным методом, позволяющим косвенно, но зато с точки зрения человеческого разума убедиться в существовании высшей силы.

Оставляет В. Бучинский место союзу истин разума и истин Откровения, обращаясь к концепту самоочевидных истин, среди которых он выделяет те, что относятся к историческому авторитету и авторитету Откровения, утверждая следующее: «Отсюда следует, что не все в философии должно или может быть доказано, и если мы не примем некоторые истины за познанные и недоказуемые сами по себе и не отвергнем очевидность как конечную цель философствования ради нее самой, вся философия должна поддаться ударам скептиков. Более того, даже если мы не можем показать первичные истины, тем не менее внутренне мы с необходимостью схватываем их как истины и отличаем их от производных истин в свете непосредственных свидетельств, которые их знание производит в нас» [3, р. 103]. При этом рассматриваемый автор выступает против определения истин Откровения как единственного возможного пути постижения Бога, отмечая, что при отрицании рационального варианта, исчезает и возможность его постижения в рамках непосредственно опыта веры: «Одни распространяют скептицизм только на естественное познание и, отрицая для него способность постижения истины, признают божественное Откровение единственным источником и принципом истины и утверждают, что сами аксиомы неспровергаются или исправляются Откровением. Но они не замечают, что отнятая сила естественного познания и абсолютной уверенности в достижении объективной истины, отнимает вместе с тем и возможность познания существования Откровения» [3, р. 108].

Обращение к сущности логики авторов философских курсов Полоцкой академии и сделанные ими выводы также указывают на фундированность их взглядов идеями, отличными от предыдущего этапа так называемой «второй схоластики» – периода в рамках схоластической традиции, предшествовавшего неосхоластике. В центре проблемы осмысления значения логики стоит вопрос: является ли она по своей сути наукой или искусством. На протяжении веков ответы на него были поливариативными, иногда диаметрально противоположными. Представители «второй схоластики», как отмечают исследователи [5, с. 84], рассматривали логику как науку, объек-

том которой выступает сугубо изучение действий разума. Полоцкие авторы же занимают позицию, согласно которой логика является и искусством, и наукой одновременно. В качестве примера можно привести следующее утверждение Дж. Анджелини: «Логика – это наука или критическое искусство, направленное на достижение и объяснение истины» [3, р. 1]. Такая же позиция характерна и для В. Бучиньского, утверждающего следующее: «Логика определяется как наука о законах познания. Называется также искусством из данных начал прямых заключений, или еще искусством управления ума в верном познании, упорядочении и разделении.» [2, р. 24]. Следует отметить, что эта идея созвучна и взглядам Фомы Аквинского, также определявшего логику как науку и искусство [6].

Проблема истины у полоцких авторов представлена в трех аспектах: логическом, метафизическом и этическом. У Дж. Анджелини метафизическая истина есть истина, в которой сущность находится в гармонии с присущими ей атрибутами, логическая – соответствие знания предмету, а нравственная истина – это согласие речи и действия с мыслями осуществляющего действия [3, р. 3]. В. Бучиньский также отмечает существование нравственных истин, утверждая, что существует особый род познания, чувство, благодаря которому формируются понятия чести, достоинства и т. д.: «К четвертому этапу относится познание морали, его основанием выступает чувство морали, установленное в нас природой требование, действительная причина, предназначенная к познанию, когда разум, естественно переходя от одного отношения к другому, формирует точные понятия чести и бесчестия, справедливости и несправедливости» [2, р. 9]. Данный подход совпадает с теорией Фомы Аквинского о морали как определенном виде рационального знания, где основополагающим тезисом является следующий: «разум движет волю как то, что предлагает ей свой объект» [7].

Обозначенная выше специфичность определения понятия логики как искусства и науки, представленная в работах мыслителей Полоцкой иезуитской академии, свидетельствует о принадлежности самого комплекса рассматриваемых идей именно к направлению неосхоластики. Отказ рассматривать логику лишь как науку, определявший позицию мыслителей второй схоластики, приверженность позиции Фомы Аквинского как в определении самой логики, так и в рационализации этических категорий, является этому доказательством.

Однако, философское основание Полоцкой неосхоластики не было фундировано только лишь чистыми аристотелевско-томистскими программными установками. Доказательством этому являются взгляды полоцких авторов на теорию знака как одного из аспектов проблемы универсалий.

Теория знаков к началу XIX в. была представлена несколькими значимыми подходами. Это, в первую очередь, позиция логиков-стоиков, указывавших на абстрактное содержание знака. Второй подход уходит корнями в творческое наследие Августина, делавшего акцент на материальном аспекте знака, что в свою очередь, дает ему возможность воздействовать на чувства и разум. Что

касается упомянутых выше представителей второй схоластики, то для них была характерна тенденция разделения знаков на формальную и инструментальную группы, формальная – связанная с рациональным аспектом, естественная – связанная с чувственным аспектом [8, с. 15].

Осмысление проблемы знака в творчестве Дж. Анджолини полностью подчиняется логике Августина, он следует ей, начиная от определения самого знака, который выступает у него как «нечто отдельное от самой вещи, улавливающее в нашем сознании идею с помощью органов чувств» [3, р. 18], до процесса восприятия и классификации, которая как у Фомы Аквинского, так и Дж. Анджолини, представлена естественными (*naturalia*) и произвольными (*arbitragia*) знаками [3, р. 18; 8, р. 31].

Что касается В. Бучиньского, то тут он следует за мыслью своих современников. Он обращается к Т. Гоббсу, А. Дженовези, Ж.-М. Дежерандо [2, р. 36]. Тем не менее и в творчестве первого, и второго автора присутствует концепт «схватывания», характерный именно для философского учения Фомы Аквинского.

Таким образом формирование философской составляющей комплекса идей Полоцкой иезуитской академии осуществлялось как реакция на ряд вызовов, сконструированных философами Просвещения, одним из наиболее актуальных среди которых был вызов самой проблеме существования схоластической метафизики как науки. Пытаясь оправдать ее существование в этом статусе, полоцкие авторы должны были обратиться к философской системе, которая одинаково подходила бы как под нужды разрабатываемой ими религиозной философии, так и естественной теологии. Таким требованиям отвечали аристотелевско-томистские установки, которые и были успешно использованы полоцкими авторами, что позволяет утверждать наличие рецепции аристотелевско-томистской составляющей. В свою очередь аристотелевско-томистский элемент не был присущ авторам «второй схоластики». Это позволяет утверждать, что в рамках Полоцкой иезуитской академии одними из первых встречаются попытки возрождения томистской философии, оформившиеся в последующем в движение неотомизма, а сама философская составляющая творческого наследия полоцких авторов является неосхоластической по своей сути.

Важность аристотелевско-томистских заимствований в программных установках полоцкой неосхоластики заключается не в самом факте этих заимствований, а в том, что они впервые именно в Полоцке приобретают неотомистические акценты, поскольку используются как инструмент для решения интеллектуальных вызовов, с которыми столкнулись полоцкие мыслители, что в последующем будет распространено на все поле официальной европейской католической философии.

Список использованных источников

1. Кант и Беларусь / Т. Г. Румянцева [и др.]. – Минск: РИВШ, 2024. – 212 с.

2. *Buczyński, V.* Institutiones philosophicae, pars prima continens logicam cum praevia in universam philosophiam introduction / V. Buczynski. – Viena, 1843. – 159 p.

3. *Angioloni, G.* Institutiones philosophicae ad usum studiosum Academiae Polocensis. – Polotsk, 1819. – 310 p.

4. *Buczyński, V.* Institutiones philosophicae, pars secunda continens metaphisicam / V. Buczynski. – Viena, 1844. – 302 p.

5. *Симчич, М. В.* Philosophia rationalis у Києво-Могилянській академії: компаративний аналіз могилянських курсів логіки кінця XVII – першої половини XVIII ст. / М. В. Симчич. – Вінниця: О. Власюк, 2009. – 238 с.

6. Logic [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ewtn.com/catholicism/library/logic-10604>. – Date of access: 20.02.2024.

7. Thomas Aquinas Summa theologiae / Thomas Aquinas. Date of access: 21.02.2024. Mode of access: <https://aquinas.cc/la/en/~ST.I-II.Q8.3>.

8. *Вдовина, Г. В.* Язык неочевидного. Учение о знаках в схоластике XVII в. / Г. В. Вдовина. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. – 648 с.

(Дата подачі: 27.02.2024 г.)

Я. А. Коховец

Белорусский государственный университет, Минск

Y. Kakhavets

Belarusian State University, Minsk

УДК 1(091)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ЗАРОЖДЕНИЯ ХРИСТИАНСКОГО ГНОСТИЦИЗМА

SOCIOCULTURAL CONTEXT OF THE ORIGIN OF CHRISTIAN Gnosticism

В статье произведен обзор историко-культурного и социально-философского контекстов возникновения и распространения гностицизма в Римской Империи в I–II вв. Осуществлен анализ политэкономических изменений в римском обществе этого периода и выявлено их влияние на формирование гностической мысли. Проведены историко-философские параллели ситуаций философствования в Римской Империи первых веков нашей эры и современности, а также выдвинуты аргументы в пользу актуальности изучения гностицизма как глубоко экзистенциальной концепции присущей злободневной ситуации антропологического кризиса.

Ключевые слова: гностицизм; экзистенциализм; Римская Империя; колонат; Рим; эллинизм; античность; антропологический кризис; Александрия; стоицизм; неоплатонизм; индивидуализм.

The article provides an overview of the historical, cultural and socio-philosophical context of the emergence and spread of Gnosticism in the Roman Empire in the I–II centuries. The